

♦ СВЕТАНА СЕРВИЛИНА ♦

A woman in a dark dress riding a white horse through a long, narrow, misty corridor with blue-tinted walls and floor. The scene is framed by a stone archway.

ЧЕРЕЗ
БЕЛЫЙ
КОРИДОР

МИСТИКА

Светлана Сервилина
Через белый коридор

«Издательские решения»

Сервилина С.

Через белый коридор / С. Сервилина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933179-3

Почему бы не поразмышлять о смысле жизни вместе с призраками? Они нас многому могут научить. Стоит только окунуться в мир фантазий, которые так тесно граничат с реальностью, что порой не определишь, в каком мы сейчас измерении... Жизнь пятнадцатилетней Александры резко изменилась, когда во время обстрела погибли родители. И вот спустя пять лет она познакомилась с призраком немецкого солдата Отто. Сумеет ли она выполнить его поручение и сбудется ли предсказание слепой старушки Иман?

ISBN 978-5-44-933179-3

© Сервилина С.
© Издательские решения

Содержание

Через белый коридор	6
Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Через белый коридор

Светлана Сервилена

Дизайнер обложки Николай Красненко

Иллюстратор Николай Красненко

© Светлана Сервилена, 2018

© Николай Красненко, дизайн обложки, 2018

© Николай Красненко, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-3179-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВЕТЛАНА СЕРВИЛЕНА

Через белый коридор

Часть 1

Александр часто снился ее любимый город. Но не разрушенный, какой он сейчас, а как в детстве – гостеприимный и солнечный. Город, на улицах которого ветки душистых абрикосов и персиков спадали с заборов от тяжести спелых плодов. Город с широкими проспектами и узкими тенистыми улочками, с архитектурными памятниками и благоухающими зелеными парками. Ей снился этот многонациональный город с радушными и щедрыми людьми, и будто наяву она видела своих родителей и себя с братом, когда они, нарядные, всей семьей гуляли по парку «Первого мая» в выходные дни, а потом ели вкусное мороженое в кафе на площади Ленина. Сейчас ей казалось, что с того времени прошло не пять лет, а целая вечность. Ах, если бы вернуться туда, в то счастливое время!

Сашкин папа, Антон Георгиевич Волков, в восьмидесятом году окончил технический институт и остался работать на Кавказе. Потом сюда привез семью с двумя маленькими детьми. Его жена, Вера Дмитриевна, преподавала в школе немецкий, но любимой её ученицей была дочь, с детства способная к иностранным языкам. Как начальнику цеха, Антону Георгиевичу выделили трехкомнатную квартиру в пятиэтажном ведомственном доме, но он отказался. По совету своих друзей и сотрудников Волковы купили скромный частный дом с приусадебным участком. Молодая учительница из небольшого волжского города быстро сдружилась с местными женщинами. Уважая их традиции, она научилась готовить национальные блюда, отмечать вместе с ними мусульманские праздники, с почтением относиться к культуре народа, на земле которого теперь жила ее семья. В теплое время года во дворе собирались шумные компании друзей и соседей. Большой круглый стол стоял прямо в саду. И Сашка любила, сидя в плетеном кресле, поднимать руку вверх, и, сорвав спелую виноградину или черешню, тут же отправлять ее в рот. Взрослые обычно ели жижиг галнаш и запивали домашним вином, а дети лакомились пирожками с разными начинками, которые на Кавказе называют «чуду». А потом пели песни: русские, чеченские, ингушские, украинские.

С годами дом расстроили и оборудовали две отдельные комнаты для старшего брата Вовки и для неё, чтобы не мешали друг другу делать уроки. В то памятное лето Владимир сдавал вступительные экзамены в институт, когда на их улице прозвучали первые выстрелы. И хоть Сашке было уже пятнадцать лет, она с трудом понимала, что происходит в ее родном городе, во всей стране. Мама строго сказала, чтобы никто без разрешения не выходил из ворот дома. Но едва темнело, Александра пробиралась на соседнюю улицу к своим подругам Лариске Бирюковой и Зайнап Тураевой. Девочки садились во дворе у Ларисы на скамейку в деревянной беседке, увитой виноградом, и обсуждали то, что удалось услышать от взрослых. Из-за того, что в городе не было электричества, новости жители узнавали только по радио в автомобилях. Однажды Зайнап принесла бутылочку с темной жидкостью.

– Саша, тебе надо покрасить волосы в черный цвет!

– Зайнашка, ну что ты! При чем здесь цвет волос?

– С черными волосами ты не так будешь выделяться, – настойчиво уговаривала подруга.

– Лучше я буду ходить как ты в платке, – упрямо отказываясь от крашения, проговорила

Саша.

– Говорят, что в этом году первого сентября школу не откроют, – с грустью заметила

Лариса.

– Ага, скучаешь по своему Сурхо, – стали шутить девочки.

– Вовсе нет!

– Смотри-смотри, – не унималась Зайнап, – наша Лорка покраснела!

Они уже стали привыкать к звукам выстрелов, которые раздавались время от времени с разных сторон. Но на этот раз с улицы послышалась автоматная очередь, которая заставила подруг вздрогнуть и замолчать. Наступившую вечернюю тишину взорвал истошный крик. Школьницы бросились в ту сторону, откуда был слышен надрывный плач.

У Исхаковых были настежь распахнуты ворота. Во дворе, прямо на земле, лежали их два сына, а тетя Айза, сидя на коленях перед своими детьми, громко кричала на родном языке. В считанные минуты сбежались все соседи. Саша старалась не смотреть в сторону парней с мертвенно-бледными лицами и кровавыми потеками на светлых рубашках. Вера Дмитриевна и еще две женщины успокаивали несчастную мать, потерявшую в одночасье сыновей. Сашке тоже хотелось обнять тетю Айзу, но она стояла как вкопанная, теребя кончик своей косички.

Однажды, когда мама пекла пирожки, а папа что-то мастерил, Александра поставила у подоконника швейную машинку и достала раскроенную юбку.

«Делать все равно нечего, – решила она, – скоро война закончится, и я в школу в новой юбке пойду». Она отстрочила уже с обеих сторон, когда в челноке закончились нитки. Сашка заглянула в шкаф, но в шкатулке как назло синих не оказалось. Она тайком обошла кухню, чтобы ее не заметили родители, и украдкой посмотрела в открытое окно. Мама, помешивая в глубокой сковородке начинку, смотрела с улыбкой на отца. Потом зачерпнув деревянной ложкой жареную капусту, протянула ему на пробу. Он смешно вытянул губы и, подув, отправил содержимое в рот. Кусочек капусты повис у него на подбородке, и мама, смеясь, стала вытирать ему лицо кухонным полотенцем. Супруги не обратили внимания на дочь, которая, пробежав по огороду, перепрыгнула через низкий плетеный валик к соседям и кинулась через улицу к подруге.

– У тебя есть синие нитки? – спросила, запыхавшись, она.

– Давай посмотрим, – медлительная Зайнап пошла в комнату к своей слепой бабушке, а Сашка за ней.

– Аба, куда мама коробку с нитками убрала?

– А зачем тебе они? – услышала гостя скрипучий голос старушки Иман.

– Надо кое-что сшить.

– Разве можно сшить то, что безжалостно разорвано, вырвано с мясом? Ружье, направленное на людей, выстрелит назад!

Девочки переглянулись между собой. Уж слишком странной показалась им речь слепой.

– Они нужны Саше Волковой, – начала объяснять Зайнап, но бабушка ее перебила:

– Саше? А где она?

– Я здесь, – девочка послушно шагнула в комнату и подошла к старушке.

– Тебе они, доченька, пригодятся, – она крючковатыми пальцами погладила гостью по волосам, – только не сегодня.

Александра уже хотела уйти, но увидела, что слепая залезла в карман своей стеганой жилетки, что-то достала и протянула ей.

– Эти нитки принесут тебе удачу, ими ты свяжешь прошлое и будущее, чужой душе поможешь обрести покой и свою судьбу найдешь, – на ладони у старушки лежала новая шпулька синих ниток.

– Баркал (спасибо)! – радостно крикнула Сашка, не обращая внимания на непонятные слова.

Она схватила Зайнап за руку, собираясь попрощаться с ней и вернуться домой. Неожиданно что-то гроыхнуло совсем рядом.

– Быстро в погреб! – дядя Вахид вбежал в комнату, схватил обеих девочек за плечи и подтолкнул вниз.

В подвале было сыро и темно. Чтобы не скучать, подруги стали вспоминать всех одноклассников, потом повторять уроки, устроив импровизированную викторину. Когда у них над головами заскрипела крышка от погреба, они увидели тетю Розу, маму Зайнап. Она прищурила глаза, вглядываясь в темноту, а потом угрюмо сказала:

– Вылезайте!

Сашка с катушкой ниток в руке сразу направилась к двери, но женщина ее остановила и по-чеченски сказала:

– Постой, дочка!

Александра остановилась в нерешительности, потом в конце коридора увидела дядю Вахида и старенького одноногого соседа Алхазура, который медленно шел, опираясь на деревянную клюку.

– Собери ей на первое время одежду и поешь, – строго сказал дед, кивнув на Сашку, – как стемнеет, я вывезу ее из города.

– Никуда я не поеду! – с вызовом крикнула девочка. – Я домой пойду. Мама с папой, наверное, уже меня обыскали!

– Успокойся, милая, – тетя Роза обняла девочку за плечи и прижала к себе, – сегодня был сильный обстрел, – начала она, но Сашка не дала ей договорить фразу целиком.

– Мама к ужину готовила пироги, – и всхлипнула, предчувствуя беду.

– Дочка, – дядя Вахид вытащил сигарету из пачки и жадно прикурил, – ты, наверное, голодная? Иди на кухню. Роза, – обратился он к жене, – пора накрывать на стол! Что там у нас вкусенького? – он улыбнулся, но лишь уголками губ. Его взгляд был полон скорби.

– Я домой хочу, – из Сашкиных глаз полились слезы ручьями, – пожалуйста, пустите меня, – она жалобно посмотрела на соседа.

– Роза, накинь на нее свой черный платок, – сурово приказал мужчина, – чтоб не мелькали ее белые косы по улице.

– Я с вами! – кинулась к подруге Зайнап.

– Иди лучше матери помоги на стол готовить, – не глядя на дочь, жестко ответил Вахид.

Когда они вышли из ворот, Саша посмотрела на небо. Оно было звездное и яркое. Она успокоилась, решив, что зря переживает. Наверное, и мама, и папа давно ее заждались. С отцом Зайнап они прошли по пустынной улице и свернули в переулок. Саша посмотрела вперед и встала, как вкопанная. Она всматривалась в темноту не понимая, что происходит. При ярком свете луны было видно, что от их дома остались только стены. Огромная яма с поломанными деревьями и больше ничего!

– А где наш дом? Где родители? – сквозь слезы проговорила девочка. – А Вовка где? Где все?

Дядя Вахид обнял соседку и тихо промолвил:

– В ваш дом попал снаряд.

– Я поищу маму, может, она за деревьями спряталась? – девочка попыталась вырваться из крепких рук мужчины.

– Твои родители были достойные и хорошие люди, – сказал он, не выпуская из рук Александру, – мы похороним их, а тебе надо уезжать в Россию. У тебя же там есть родственники?

– Да, в Нижневолжске живет мамина сестра, но я туда не хочу.

– Не сопротивляйся, дочка, здесь очень опасно.

– А Вовка? – растерянно спросила она.

– Мы его отыщем, – пообещал мужчина и сурово добавил, – у нас на Кавказе говорят: «Если к тебе пришла беда, подними голову, если к людям пришла – опусти». Запомни это, девочка!

– Я запомню, – твердо пообещала она.

За столом у Тураевых все молча ели, не глядя друг на друга. По Сашкиным щекам, не переставая, катились слезы, и она чувствовала на губах их соленый привкус. В ту ночь до утра не утихала стрельба.

– Вахид, – услышала Александра сквозь сон голос старенькой бабушки, – не отпускай Сашу, дождитесь утра.

– В темноте проще проехать посты, – грустно возразил мужчина.

– Послушай старуху, сынок, – и твердо повторила, – дождись утра и включи в своей машине радио.

Сашка проснулась и сразу не поняла, где она. Рядом сопела Зайнап. Подруги и раньше ночевали друг у друга, но девочка вспомнила события вчерашнего дня, и сердце сжалось от невыносимой боли. Она осторожно слезла с высокой кровати и, минуя кухню, вышла на крыльцо. Во дворе стояли соседи. Они скорбно посмотрели на девочку.

– Саша, иди завтракай и поедем, – махнул рукой одноногий старик, – сегодня с двенадцати до пяти вечера открыли белый коридор.

– А что такое «белый коридор»?

– Это такая договоренность между воюющими сторонами. Можно уезжать отсюда спокойно, в это время не будут стрелять, – пояснил Вахид.

– Нам нужно успеть его проскочить, – добавил дед.

Всю дорогу Сашка, замотанная в платок тети Розы, молчала. Дедушка Алхазур гнал свой старенький «Москвич», что есть мочи. За городом стали ехать медленно, потому что образовалась унылая очередь из разномастного транспорта. Люди угрюмо смотрели в сторону шлагбаума, где проверяли документы. Местные военные на контрольно-пропускных пунктах уважительно спрашивали у старика про девочку, сидящую рядом. Алхазур говорил им на родном языке, что везет внучку на лечение в Пятигорск. Во время очередной проверки парень в бронированном жилете заглянул в окно, протянул руку и провел ей по плечу девочки:

– Что с тобой? – спросил по-своему.

Александра, зная язык, произнесла тихо:

– Умираю!

– Езжай, старик! – кивнул боец и захлопнул дверцу старенькой машины.

И опять потянулся нескончаемый поток машин, автобусов и мотоциклов. Уставшие люди двигались в сторону границы подальше от войны, кто на чем мог. Девочка наблюдала из окна «Москвича» за беженцами в машинах, автобусах, телегах и мотоциклах с колясками. У очередного шлагбаума светловолосый мужчина в камуфляже крикнул, глядя через лобовое стекло на дедушку Алхазура:

– Вылезай быстро из своего драндулета!

Старик распахнул дверцу «Москвича» и, кивнув на культю вместо ноги, с достоинством ответил:

– Быстро не могу.

Военный смущенно махнул рукой:

– Прости, отец! – и подошел сам.

В Пятигорске остановились в большом кирпичном доме у родственников Алхазура. Сашка помылась, расчесалась и села за стол. Хозяйка хлопотала рядом, изредка поглядывая на русскую девочку.

– Угощайся, – женщина поставила перед ней тарелку с большими кусками мяса и добавила сердобольно, – что же они творят! Зачем простых людей убивают? Что мы им сделали плохого?

Пятнадцатилетняя беженка поняла, что она имеет в виду политиков. Девочка не знала ответы на эти вопросы. Она только пожала плечами, а потом потянулась за вилкой. Женщина погладила ее по голове, и Саша впервые услышала, что ее назвали «сиротинкой». Она не стала возмущаться, но твердо решила после войны разыскать родителей. Александра все еще не верила, что они погибли. Она пожила в Пятигорске в гостеприимной кавказской семье несколько дней, ожидая автобус до Ставрополя. Дальше Саша двинулась одна, сменив три автобуса и ночуя на вокзалах. Спустя трое суток, голодная и уставшая, она уже звонила в дверь своей родственницы в небольшом городе на Волге.

– Тебе чего? – в проеме стояла родная сестра мамы тетя Тамара и смачно грызла красное яблоко.

– Здравствуйте, тетя Тома, я – Саша Волкова, – еле слышно произнесла девочка.

– Господи, Сашка? – тетка распахнула дверь, пропуская гостью. – А я думала попрошайка какая-то шляется по подъезду.

Она усадила племянницу на кухне и спросила:

– Откуда ты в таком виде? Почему Вера не позвонила? Что там у вас случилось?

Саша опустила голову и тихо ответила:

– В наш дом попал снаряд. Родители погибли.

Тетя Тамара вскрикнула и порывисто прижала девочку к себе:

– Беда-то какая, господи!

Несколько минут они стояли обнявшись.

– У меня кроме вас, никого нет, – прошептала девочка.

С трудом сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, она рассказала все, что видела и испытала за последние дни.

– Успокойся, Сашуля, – уверенно проговорила тетушка, – ты – единственная дочь моей сестры, и я тебя в обиду не дам!

Девочка, благодарно посмотрев на тетю, поцеловала её в щеку.

– Спасибо!

Потом женщина приготовила племяннице ванну, и когда девочка погрузилась в горячую воду и взяла в руки душистое мыло, слезы потекли по ее щекам. Она с силой растирала мочалкой свое тело, промывала шампунем слипшиеся волосы, а потом, обессиленная, просто лежала в воде, вновь и вновь вспоминая дорогу из родного города.

– Ну, вот, совсем другое дело, – улыбнулась тетушка, увидев Сашку в своем старом махровом халате, – завтра ходим в магазин и купим тебе одежду. А сейчас садись за стол, – она махнула рукой в сторону кухни.

После горячего чая Александра почувствовала, что глаза слипаются. Она прилегла на диван в большой комнате и даже не заметила, как провалилась в глубокий сон. Она вздрогнула от прикосновения чьей-то руки и испуганно открыла глаза.

– Саша, просыпайся, – сказала тихо тетя Тамара, – пойдем, я тебе на лоджии постелила.

Девочка не сразу поняла, что уже поздний вечер. Она увидела мужа маминой сестры и ее сына. Оба сидели в креслах и с интересом смотрели на гостью.

– Здравствуйте, – проговорила она, смущенно закутываясь в халат.

– Привет! – с усмешкой ответил двоюродный брат Никита, а дядя Валера только кивнул.

От их снисходительных взглядов и молчания Сашка вдруг почувствовала себя такой лишней и чужой, что готова была разреваться.

– Пойдем, – тетушка взяла ее под руку, – а завтра что-нибудь придумаем!

Она отвела племянницу на застекленную лоджию. Там уже было разобрано кресло-кровать. Тамара села рядом на стул и сказала:

– Ты не обижайся, но у нас двухкомнатная квартира. Я даже не знаю, куда тебя разместить. Поспишь пока здесь, ладно?

Сашка махнула головой и натянула до носа тонкое одеяло. Тамара встала и, пожелав девочке спокойной ночи, ушла внутрь. А Саша вдруг вспомнила, как Девяткины приезжали к ним каждое лето на отдых, и мама стелила им в своей спальне, а сами родители ложились на веранде. Она вздохнула и повернулась на бок, думая о том, что будет дальше.

Тетя Тамара развернула бурную деятельность и через различные официальные структуры «выбила» для племянницы пособие. А через полтора месяца, когда по стеклу стали барабанить капли дождя, она предложила Александре перейти жить и учиться в интернат.

– Понимаешь, уже похолодало, – она говорила, не глядя в глаза девочке, – ну, не на кухне же тебе спать. А я тебя буду навещать, и ты к нам будешь приходить на выходные. Так будет лучше для всех нас.

Сначала Сашке стало так страшно, что она была готова спать не только на кухне, а даже в прихожей или на холодной лоджии. Но потом она успокоилась и, собрав небольшую сумку со своими пожитками, обреченно направилась вместе с тетей Тамарой в интернат.

Когда все формальности были закончены, женщина с седыми волосами, забранными в старомодную «кукульку», отвела Сашу в комнату старшеклассниц. Она погрозила пальцем школьницам, сидящим на широком подоконнике, и строго сказала:

– Принимайте пополнение, и чтобы все было тихо!

Александра растерянно осмотрелась и положила сумку рядом с кроватью, на которую указала дама. Девочки молча наблюдали за новенькой.

– Тебя как зовут? – спросила одна, спрыгнув с подоконника.

– Саша Волкова.

– А что это тебя приспичило в октябре к нам заявиться? – бесцеремонно продолжила та допрос. – Родичи из дома выгнали что ли?

– Я – сирота, – спокойно ответила Александра.

– Понятно, – кивнула без эмоций девчонка, – ну, осваивайся.

Сашка и представить не могла, что интернатские ребята без особых усилий с её стороны примут в свой коллектив. И никаких разборок, лишних расспросов и проверок. Все одноклассники с ней общались ровно, как будто она здесь уже несколько лет. В тот момент, когда она уже стала привыкать к новому месту и даже сдружилась с двумя девочками, произошел случай, изменивший ход событий. Во время зимних каникул оказалось, что она всё-таки чужая в этой «свободной стае». Александра проходила мимо телевизора в холле, когда услышала, как мальчишки яростно комментируют слова российского офицера о военных действиях на Кавказе.

– Этих гадов надо всех расстрелять! – крикнул один про местных жителей.

– А дома сравнять с землей! – категорично добавил другой.

Сашка присмотрелась и увидела, что офицер стоит на фоне её родного города. Испепеленного и изувеченного. На следующем кадре солдаты в камуфляжных костюмах сидели на танке рядом с разрушенным домом.

– Там живут такие же люди, как и мы, – тихо сказала она, – дети и старики. За что же их убивать?

На секунду воцарилась тишина, потом все развернулись к ней, а самый бойкий спросил:

– Ты что, за кавказских боевиков заступаешься? Они «наших» убивают, а ты, значит, за них?

– Я – не за них, – Сашка пожала плечами, – просто там не только бандиты, но и простые мирные люди. Я сама там жила полгода назад.

Кажется, она ничего особенного не сказала, но все бросились на неё и стали пинать со всех сторон.

– Бей кавказскую шпионку! – завопил «бойкий» и кулаком ударил Сашку в живот. Она согнулась от боли. Кто-то стукнул под колено, и она свалилась на пол, получая удары ногами от воспитанников интерната.

Не известно, чем бы все закончилось, если бы не подоспевшая уборщица. Она растолкала мальчишек и, цепкими руками схватив школьницу, отвела в медпункт. Там девочка и проспала всю ночь. Ей опять снился родной город и родители. Они были такие счастливые, как в тот день, когда Сашка выдела их в последний раз. Будто в её сне кто-то крутил киноленту, на которой мама, что-то помешивая в глубокой сковородке, смотрит с улыбкой на отца. И, зачерпнув деревянной ложкой жареную капусту, протягивает ему для пробы. Он смешно вытягивает губы и дует на начинку...

На следующий день Сашка с трудом открыла припухшие глаза. Все тело было в синяках, лицо с разбитыми губами казалось чужим. Саша наклонилась к раковине и умылась. Ссадины на лице стали больно щипать. Подойдя к окну, она увидела спешащую в интернат свою родственницу. Тетя Тамара, оглядев племянницу, покачала головой и повела её за руку в кабинет директора.

– Мне такие инциденты не нужны, – сказала та, строго посмотрев на тетю Тому, – у нас дети неуравновешенные, а Волкова своим поведением и словами вызывает у них агрессию.

Девяткины приняли свою родственницу с явным недовольством, застелив для нее раскладушку в комнате Никиты. А через два дня мамина сестра отвела Сашу в соседний дом и познакомила с Дарьей Семеновной. В однокомнатной квартире было тесно, но чисто. Из кухни доносился аппетитный запах борща, на подоконниках в горшочках цвели фиалки, а в прихожей лежала на полу самотканная дорожка.

– Надевай тапочки, – сразу предложила ей старушка.

В единственной комнате у торцовой стенки диван.

– Вот твоё спальное место, – сказала хозяйка, кивнув на него.

Ближе к балкону расположилась кушетка, на которой лежал мохнатый плед, а в углу на тумбочке, покрытой узорчатой салфеткой, стоял старомодный телевизор.

На все выпускные экзамены в школе Саша, следуя своему негласному правилу, брала шпульку тех самых синих ниток, благодаря которым, она уцелела во время бомбежки. Они приносили ей удачу: все вопросы в билетах были знакомы, и неизменные «отлично» наполняли её аттестат.

– Куда подашь документы? – спросила тетя Тамара после выпускного бала, рассматривая Сашкины оценки.

– В педагогический институт, – не раздумывая, твердо ответила племянница, – на факультет иностранных языков. Когда окончу, буду, как мама, преподавателем немецкого.

– Как мама, это, конечно, хорошо, – тетушка покачала головой, – но я слышала, что туда самый большой конкурс. Я бы тебе посоветовала идти на филологический или исторический. И работу легко найти, не обязательно преподавать в школе. А то, – она обреченно махнула рукой, – не пройдешь по конкурсу, придется идти работать...

– Ну и что, – упрямо ответила Александра, не собираясь отступить от намеченного плана.

– А то, что за год учебный материал забудешь, и на следующий год тоже не поступишь.

А что это значит? – тетя Тамара в упор посмотрела на девушку.

– Что? – не поняла та.

– Что останешься без высшего образования, – она прищелкнула языком, – а в жизни без корочки туго, уж поверь мне!

Дарья Семеновна в былые времена работала в школе. Она преподавала географию и беззаветно любила свою профессию. Она давно была на пенсии, но навыки кого-то учить и воспи-

тивать, у нее остались на всю жизнь. За многие годы одиночества у нее, наконец, появился объект приложения своих учительских потребностей. Ей импонировал тот факт, что Александра получала высшее образование, да ни где-нибудь, а в педагогическом институте.

– Самое главное в нашей профессии – любить своих учеников, – часто повторяла пенсионерка, – быть для них авторитетом. А как им стать? Для этого необходимы знания, причем в разных областях, чтобы ответить на любой вопрос школьника. Да, это непросто, – и она вдавалась в пространственные размышления, с примерами из своей педагогической деятельности.

Старая женщина не понимала, что ее постоянные нравоучения доводили молодую посто-ялицу до слез, которые она прятала, уткнувшись в книгу.

– Книга – источник знаний, – комментировала Дарья Семеновна действия Саши, – но нужны и личные наблюдения, банальный житейский опыт. А где его взять молодой девушке? Конечно, перенимать у старшего поколения, коим в данном случае являюсь я.

Все эти монологи повторялись изо дня в день, и Александра тихо ненавидела свою хозяйку, которая не давала покоя своей квартирантке.

– Видишь ли, мой друг, – начинала Дарья Семеновна свою очередную речь, – я в неко-торой степени несу ответственность за тебя. В жизни не бывает случайностей, и вполне воз-можно, что провидению было угодно соединить наши одинокие судьбы.

Однажды, не выдержав монотонного нравоучения, Сашка выскочила из квартиры, наспех накинув пальто. На лестничной площадке она столкнулась с соседкой Дарьи Семеновны. Мило-видная женщина лет тридцати пяти по имени Анастасия улыбнулась девушке и, поздоровав-шись, спросила, не скрывая сочувствующих ноток в голосе:

– Достала тебя наша Дарья?

– Достала, – ответила Саша и начала спускаться по ступенькам.

– А ты на каком курсе учишься? – продолжила свой допрос та.

– Третий заканчиваю.

– Послушай, Саша, а почему бы тебе не устроиться на работу? – Анастасия тоже следо-вала вниз.

– Вы имеете в виду перевестись на заочное?

– Не обязательно, – пожалала плечами женщина, – убьешь двух зайцев: и зарплату будешь получать, и меньше тебе будет докучать старая училка.

– А как найти такую работу, чтобы приходить туда после занятий? – задумчиво прого-ворила девушка. – Это только сторожем.

– Ну, почему только сторожем? – усмехнулась соседка и вышла на улицу следом за Алек-сандрой. – Можно на полставки в какую-нибудь контору. Ты же учишься на историческом факультете?

– Да.

– Сходи в музей, в архив, может быть, там есть вакансии. Поспрашивай у своих одно-курсников, – она повесила дамскую сумку на плечо, – одним словом, действуй! – и, махнув на прощанье рукой, пошла прочь.

Сашка задумалась: «Анастасия права, надо самой что-то предпринимать, иначе...» Что будет «иначе» она не знала, но чувствовала, что ничего хорошего. На следующий день, сразу после последней пары, студентка отправилась на поиски работы. Она решила начать с город-ского архива, который находился от дома всего в двух автобусных остановках. Сухощавый пожилой мужчина в дешевом костюме встретил ее настроенно:

– А чем вас привлекает работа с документами? – он прищурил глаза и с интересом посмотрел на девушку. – У нас есть вакансия, но это место не для молодых. Им здесь скучно.

– Мне просто нужна работа, – честно призналась Саша.

– Да и оклад у вас будет небольшой, – вкрадчиво продолжил тот.

– Я согласна на любой, – ответила студентка.

Мужчина задал ей ещё несколько вопросов, потом вытянул губы трубочкой и закатил глаза. Весь его вид красноречиво говорил о том, что он взвешивает все «за» и «против». Наконец, он кашлянул и строго произнес:

– У вас есть домашний телефон?

– Есть.

– Оставьте свой номер, – он протянул гостье чистый лист и ручку, – а я вам обязательно перезвоню.

Саша поняла, что этот неказистый дядька не позвонит, но желание дальше искать работу отпало.

«А вдруг надумает меня взять?» – тешила она себя слабой надеждой.

Через два дня после собеседования в архиве, первое, что она услышала, вернувшись домой из института, было сообщение о том, что ей только что звонил некий Владимир Иванович.

– Я не знаю никакого Владимира Ивановича, – пожала плечами Александра, принимая исписанный листок из рук хозяйки.

– Странное место для свидания, – скривив недовольную гримасу, пробурчала пенсионерка, – он приглашает тебя в архив!

– В архив? – Сашка прочитала сообщение и обрадовано подпрыгнула. – Наверное, меня возьмут на работу!

– На работу? – Дарья Семеновна приняла воинственную позу. – Друг мой, какая работа? Ты же учишься!

– Я все успею, – улыбнулась девушка.

– Тебе что, чего-то не хватает? Еда есть, крыша над головой есть! Учись только! Нам не нужны половинчатые знания! Советский, пардон, российский педагог должен быть эрудирован, с широким кругозором, хорошим словарным запасом и интересным для окружающих.

«Понеслось», – подумала Саша впервые с долей иронии. Ее уже не трогали слова старой учительницы. Она думала о завтрашней встрече и своей новой жизни.

После занятий она отправилась в архив. Подходя к двухэтажному кирпичному зданию, она с любопытством оглядела его внешний фасад.

«Скорее всего, оно построено в девятнадцатом веке», – решила она, заметив под крышей фигурные своды, массивную деревянную дверь с рельефным рисунком и высокие окна. Вчера она думала лишь о том, что она скажет, войдя в это заведение. А сегодня она уже примеряла его к себе. Сашку переполняло странное чувство, как будто она не на работу устраивается, а отправляется в рискованное путешествие в дальние страны, где ее ждут увлекательные приключения. Владимир Иванович в том же костюме улыбнулся ей, когда после стука, она робко заглянула к нему в кабинет.

– Александра Антоновна, добро пожаловать!

– Здравствуйте, Владимир Иванович, – смущенно сказала гостья, доставая из сумки свои документы, – а я решила, что вы не собираетесь меня принимать на работу.

– Да, вы правы, я не собирался, – он взял в руки паспорт и, сведя брови к переносице, стал читать.

– А что же случилось, что изменило ваши планы? – она с интересом посмотрела на своего будущего начальника.

Он на секунду оторвался от изучения паспортных данных и посмотрел на девушку поверх очков.

– Я позвонил вам вчера, чтобы сказать, что вы нам не подходите, – мужчина прищелкнул языком, наблюдая за реакцией будущей сотрудницы, – да-с. Трубку, судя по голосу, взяла пожилая дама.

– Это моя квартирная хозяйка Дарья Семеновна, – скромно пояснила Александра, – ей уже за семьдесят.

– Да-да, Дарья Семеновна, – он усмехнулся, – и я все понял. Если она умудрилась прочитать мне, незнакомому ей человеку, лекцию о вежливости и эрудиции, то каково вам живется с ней?

– Она – бывшая учительница и привыкла воспитывать, – виновато проговорила девушка.

– Я в курсе, – улыбнулся директор, – поймите, к нам приходят устраиваться на работу зачастую из корыстных побуждений. Поработают пару недель, найдут документы, которые им нужны и исчезают, – он покачал головой, – поэтому я очень требователен к новичкам.

– Понимаю.

– Но у вас совсем другая ситуация, – Владимир Иванович внимательно посмотрел на новую сотрудницу, – ваша квартирная хозяйка успела мне доложить, что родители погибли при бомбежке на Кавказе. Это так?

– Да, – тихо произнесла девушка.

– Сочувствую.

Сашка молча кивнула.

– Надеюсь, вы меня не разочаруете, – он вернул ей паспорт, – а трудовой книжки у вас нет?

– Нет, это мое первое место работы, – смущенно созналась гостья.

– Тогда пройдемте, – он встал из-за стола и кивнул на дверь, – я покажу вам наше хранилище и познакомлю с сотрудниками.

Коллектив городского архива оказался женским, кроме его директора. Пять немолодых и неказистых дам со старомодными прическами, у одной из которых Саша стала ученицей и помощницей в одном лице. Лидия Федоровна была спокойной и харизматичной женщиной с большой грудью, демонстративно выпирающей из шелковой блузы, и классическими каштановыми кудряшками с изломами волос от бигуди. Она задала своей новой подопечной несколько вопросов, не перебивая, выслушала ее, потом достала из ящика стола два бокала, сахар и печенье.

– Александра Антоновна, вон, между стеллажей стоит тумбочка, а на ней чайник. Видишь?

– Вижу, – улыбнулась девушка.

– Тащи его сюда, будем чай пить!

Сашке импонировало обращение к ней по имени-отчеству и в то же время на «ты». Она вдруг сравнила себя с гадким утенком, которого неожиданно приняли в свою стаю прекрасные лебеди. И хотя ее сотрудницы были самые обыкновенные провинциальные женщины, которые не выделяются из толпы, Сашка полюбила их, как свою новую семью. Лидия Федоровна показала молодому архивариусу рабочее место и рассказала об обязанностях. Она по-матерински обняла девушку после работы и сказала:

– Схватываешь все на лету!

Зато придя домой, квартирозяйка увидела недовольное лицо Дарьи Семеновны.

– Ну, как тебе в роли: подай-принеси? – пробурчала она, как только девушка вошла в прихожую.

– Нормально, – холодно ответила Саша, не собираясь делиться впечатлениями со своей квартирной хозяйкой.

– И это всё, что ты мне можешь сообщить о своём визите в архив? – возмутилась та. – Как коллектив?

– А зачем вам рассказывать? – девушка сняла курточку и повесила на вешалку. – Вам же не нравится то, что я буду работать.

– Не нравится, но ты должна меня держать в курсе своих дел! – тоном, не терпящим возражений, воскликнула та, неуклюже изображая обиду.

– Никому и ничего я не должна, – тихо буркнула Саша, направляясь к своему дивану. Несмотря на преклонный возраст, слух у старухи был отменный.

– Ах, вот как ты заговорила! Самостоятельной стала! А я-то думала, что мы с тобой, как родственницы! Неблагодарный ты человек, Александра! Живешь у меня уже почти пять лет, а никакого уважения!

– Дарья Семеновна, – девушка остановилась на полпути и с упреком посмотрела на ворчливую бабушку, – я могу снять комнату в другом месте и освободить вас от моего присутствия.

Сашке на секунду стало страшно: а если старуха согласится, куда ей сейчас идти? Но пенсионерка только покачала головой.

– Действительно, неблагодарная, – она достала из кармана носовой платок и смачно высморкалась, – никому я не нужна, даже тебе!

– Простите, – девушка вздохнула и приготовилась выслушать длинный монолог бывшей учительницы, но та только махнула рукой и пошла на кухню. Через пару минут Саша услышала, как та гремит кастрюлями:

– Иди ужинать, архивариус!

С первых дней работы Сашка с невероятным упорством стала постигать азы новой профессии. Летом, по своей давней традиции, Дарья Семеновна часто ездила на дачу к давним знакомым, и квартиросъемщица облегченно вздохнула: никто не будет докучать её своими монологами и утомительными лекциями. Успешно сдав сессию, Александра стала работать в архиве полный день. Она уже спокойно могла заменить любого сотрудника в своем небольшом коллективе на время отпуска. Обладая хорошей памятью, она с легкостью находила нужные документы, выдавала справки, параллельно выполняя обязанности несуществующего курьера. Ей нравилось систематизировать разрозненные пожелтевшие листы, хранившие прикосновения рук людей совсем другой эпохи.

Осень наступила неожиданно. В сентябре начались дожди, а вместе с ними у хозяйки обострился хронический ревматизм. Ночью она стонала, часто включала свет и натирала колени и локти специфически пахнущей мазью. Из-за этого Саша не высыпалась, на лекциях в институте сидела, как вареная курица, а потом обреченно плелась под зонтиком в архив. Однажды в один из дождливых вечеров она спросила у Лидии Федоровны:

– Можно я останусь здесь переночевать? Мне завтра в институт не надо...

– Не боишься? – участливо проговорила она.

– А что бояться? – недоуменно пожалла плечами девушка. – Крысы только в подвале, а я туда не пойду.

Лидия Федоровна обняла свою помощницу за плечи.

– Говорят, здесь приведения живут, – прошептала она.

– И вы верите в такую чушь? – улыбнулась Сашка.

– Ну, не знаю, – женщина стала надевать плащ, – если не страшно, ночуй. Возьми мой плед, ночью холодно.

Когда все покинули архив, Александра осталась одна, и впервые за несколько лет почувствовала себя хозяйкой. Она позвонила Дарье Семёновне и сообщила, что ночует у подруги.

– Что это за новости – болтаться по чужим людям? – прозвучал в ответ возмущенный голос.

– На улице дождь, – начала по привычке оправдываться Сашка, но потом коротко добавила, – спокойной ночи! – и положила трубку.

Она оборудовала себе спальное место на старом диване, сделала скромный ужин и усе-лась у окна. Медленно кусая бутерброд с колбасой, она смотрела на капельки воды, спускающи-еся ручейками по стеклу. Спать совсем не хотелось. Она прошлась между стеллажами, насла-ждаясь одиночеством и свободой. Ближе к полуночи укрывшись шерстяным пледом своей наставницы, Сашка легла и задремала. Ей опять снился родной дом, двор с цветущими кустами и деревьями, беседка, увитая виноградом. И чьи-то незнакомые голоса. Они становились все громче и громче. Девушка вздрогнула и, проснувшись, открыла глаза. Странные звуки были не из сна.

– Tut weh... Mutti... ich sterbe... Verdammt...

Слова звучали, как будто из пустого колодца, а потом эхом повторились несколько раз. Мгновенно в Сашкиной голове пронесся перевод с немецкого:

– Мне больно... Мама... Я умираю... Проклятие...

Она подскочила и, усевшись на диване, с испугом стала всматриваться в темноту. Ей показалось, будто что-то белое мелькнуло между стеллажей.

«Здесь приведения живут», – вдруг вспомнились ей слова Лидии Федоровны.

Она не знала ни одну молитву, поэтому, перекрестившись, прошептала:

– Господи, спаси и сохрани!

Между тем чьи-то босые ноги монотонно шлепали по деревянному полу. Этот глухой звук угрожающе приближался к её дивану. Натянув до подбородка старый плед, Александра смотрела перед собой, боясь шелохнуться.

В городском архиве было темно. Она подумала, что надо включить свет, но опустить ноги на пол и добежать до выключателя было страшно. Неожиданно бледная луна вышла из облаков. Её свет настойчиво проник через большие окна и высветил часть помещения.

Их было восемь... Молоденьких ребят, облаченных в белые рубашки и подштанники. Их лица были мертвенно бледны. Они не шли, а будто скользили над полом. Верхняя часть тела была отчетливо видна, а ноги были расплывчаты. «Если они не касаются пола, откуда эти необъяснимые звуки?» – мелькнула парадоксальная мысль у девушки. Странная группа двигалась медленно, держа друг друга за руки, будто собралась водить хоровод. Внезапно, призраки изменили свой маршрут. Юноши в белом одеянии направились прямо на неё. Саша почувствовала, что по ее телу побежали мурашки от страха. Сердце готово было выскочить из груди, выбивая учащенные удары. Она хотела закричать, но голос пропал, и она лишь, как рыба, выброшенная на берег, жадно хватала открытым ртом воздух. Между тем, ночные гости встали в нескольких шагах в шеренгу и протянули к ней руки.

– Помогите нам, – сказал один по-немецки.

От этих простых слов Сашка успокоилась. Страх стал медленно отступать, а на его место пришло любопытство.

– Как? – прошептала она, не веря своим глазам.

– Дай нам свои нитки, – прозвучал потусторонний голос, – чтобы зашить наши раны.

Они все время кровоточат.

В тот же миг сквозь белую ткань одежды у юношей стали проступать кровавые пятна. Это было жуткое зрелище. Одежда незнакомцев стремительно окрашивалась в красный цвет, а она смотрела, боясь отвести взгляд в сторону. Девушку охватила паника.

– У меня нет с собой ниток, – проговорила она, не отрываясь от страшной картины.

– Так принеси, – один призрак подошел к ней ближе и подал руку.

Девушка посмотрела на неё. При свете луны она была синяя с бардовыми потеками.

– Я – Отто. А как зовут тебя?

– Александра, – дрогнувшим голосом представилась студентка.

– Алекс, принеси нам нитки, – настойчиво повторил он, и все остальные эхом подхватили его просьбу.

– Принеси нитки, – слышала она со всех сторон.

– Принесу, – пообещала Сашка и в тот же миг увидела, как приведения стали таять. Она вся сжалась и зажмурила глаза.

Её разбудил требовательный стук в окно. Сашка вздрогнула и посмотрела впереди себя.

– Какой страшный сон, – она поежилась, вспоминая ночной кошмар.

Но тут ее взгляд упал на пол: перед диваном, на котором она спала, лежал обычный лист, будто наспех вырванный из ученической тетради. Крупными буквами красного цвета на нем было написано одно-единственное слово на немецком языке: «**Nähgarn**». Она осторожно протянула руку и, взяв записку, перевела: «Нитки».

«Интересно, это написано обыкновенными красными чернилами или кровью?» – подумала девушка. Она просунула ноги в тапочки и подбежала к окну. За ним было уже светло. Через стекло ей махала рукой Лидия Федоровна, показывая жестами, чтобы она открыла дверь. Саша быстро сложила листок вчетверо и аккуратно положила к себе в сумку. Потом сдвинула металлический запор и впустила свою наставницу.

– Жива? – спросила та, разглядывая девушку.

– Жива, – слабо улыбнулась она и даже пожалала плечами, – а что со мной могло случиться?

Лидия Федоровна только махнула рукой.

– А я всю ночь не спала, – с вздохом произнесла она, стряхивая на пороге зонт, – вспомнила рассказы наших старожилков и так расстроилась. Думаю, что же я девчонку одну оставила? А вдруг они придут?

– Кто «они»? – не скрывая любопытство, спросила Саша.

Тем временем Лидия Федоровна по-хозяйски воткнула штекер электрического чайника в розетку, предусмотрительно глянув внутрь ёмкости. Она достала пакетик с домашними пирожками и вареные яйца.

– Немцы, – после минутного раздумья, ответила она и тут же предложила, – давай завтракать!

– А почему – немцы? – настороженно спросила Александра, вспоминая ночной разговор.

Сотрудница постучала ложечкой по скорлупе яйца и внимательно посмотрела на свою молодую коллегу.

– Слухи разные ходили, но одно знаю точно, – она почему-то перешла на шепот, – во время Великой Отечественной войны здесь был госпиталь. А в начале сорок третьего года сюда стали свозить раненых фашистов. «Наших» распределили по больницам областного центра, а тут, – она оглянулась, будто боясь, что её подслушают, – в одном помещении лежали эти.

– Здесь находились раненые немцы? – недоверчиво переспросила девушка.

– Да. Везли их сюда из Сталинграда на грузовиках. Некоторые умерли по дороге, а тех, кто доехал, разместили здесь. Люди говорили, что ни лекарств, ни бинтов не хватало. Дрова почти не выделяли, а морозы в ту зиму стояли страшные, да и пропитание было скудным. А как же? Война, – сотрудница тяжело вздохнула, – в ту пору все голодали. В первую очередь надо было «своих» накормить. И работать тут никто не хотел! Мыслимо ли: лечить вражеских солдат! Один старенький доктор остался и девчонка-медсестра.

– Ужас, – тихо произнесла Саша.

– Тогда всем было тяжело. Конечно, в холодном помещении без надлежащего лечения и питания немцы умирали... Один за одним... А их и хоронить было некому, а тем более – отпевать, – женщина аккуратно разлила чай по бокалам, – они же – католики.

– Лидия Федоровна, а вы не знаете: где их могилы?

– Нет, – покачала она головой, – не знаю.

– И что же дальше? Кто-нибудь уцелел?

– Что ты, – рассказчица опять махнула рукой, – умерли все. Но души их и по сей день стонут по ночам. Я пришла работать сюда в шестьдесят пятом году, сразу после десятилетки, и помню, сторож рассказывал, что по ночам слышал, как раздаются слова. «Не по-нашему что-то просят и вроде как жалуются», – говорил он. Но внутрь он ночью никогда не заходил.

– Боялся?

– Конечно!

– А, может, ему это показалось? Выпил старик самогона, вот и почудились ему голоса, – с показным сомнением произнесла Александра, мысленно вспоминая ночное происшествие.

– Не хотела тебя пугать, но раз ты такая неверующая, скажу правду, – она сделала глоток из бокала, – сразу после войны был ночным сторожем здесь один мужик. Вернулся с фронта калекой, вот и устроился сюда. И что ты думаешь? Сотрудники архива нашли его мертвым после первой же смены. Вот так-то!

От удивления Сашка даже приоткрыла рот.

– Да, – продолжила Лидия Федоровна, – а потом другой устроился, и с ним случилось то же самое.

– Да вы что? Как же могут приведения убить живого человека?

– Не убить, а напугать до смерти. Первый упал, ударившись головой об чугунную решетку. Тут раньше печка-голландка стояла, – она махнула рукой в сторону торцевой стенки, – я даже помню, как по утрам уборщица её растапливала.

А перед дверцей печи была эта решетка.

– А второй? – не обращая внимания на былые бытовые подробности, спросила девушка.

– Тот от инфаркта скончался, – сотрудница покачала головой, – мыслимо ли дело, встретить настоящих приведений?

– А с того времени никто их не видел?

– Так, после этих случаев никто ночью в архив не заходит. Я же говорю, сторож через дверь их стоны слышал!

– Надо же, – покачала головой Саша.

– Может, ты просто крепко спала? – Лидия Федоровна внимательно посмотрела на коллегу.

– Да, я спала, как убитая, – улыбнулась молодая сотрудница, – спасибо вам за плед, он меня согрел!

Целый день Александра думала о прошлой ночи, мысленно задавая себе один и то же вопрос: «Может быть, это был все-таки просто сон?». Слишком невероятной казалась ей встреча с настоящими приведениями. Хотелось с кем-нибудь поделиться своими размышлениями и сомнениями. Но с кем? Подруги-студентки примут её за сумасшедшую, а родных нет. Возвращаться домой после работы Саша не спешила. Она шла пешком по вечерним улицам, вдыхая осеннюю свежесть полной грудью. Прохожие торопливо обгоняли её, но девушка не обращала ни на кого внимания.

Дарья Семеновна скорбно поджала губы, когда Сашка вошла в комнату. Она сделала вид, что с интересом смотрит программу по телевизору, ожидая, по-видимому, каких-то объяснений от постоялицы, но девушка молча улеглась на диван и отвернулась к стенке. Меньше всего ей сейчас хотелось выяснять отношения с хозяйкой. Обижается, ну и пусть. Главное, чтобы не спрашивала её ни о чём.

Два дня Александра старалась отогнать от себя мысли о загадочных ночных призраках в архиве. Она пыталась забыть тот странный разговор с молодыми немцами и их просьбу, но не могла. Её мучили угрызения совести из-за того, что она пообещала принести им нитки, а сама не сдержала своё обещание. Утром Саша достала из кладовки свою сумку, с которой когда-то приехала сюда. Во внутреннем кармашке лежала её «счастливая» катушка синих ниток. Она взяла её с собой, намереваясь остаться на ночь на работе.

– Опять? – удивилась Лидия Федоровна.

– У меня такие обстоятельства, – смущенно проговорила девушка, не находя никаких аргументов.

Она не любила врать, но правда была слишком фантастичной, чтобы её озвучить, да и тревожить добродушную коллегу ей не хотелось.

– Послушай, Александра Антоновна, – сотрудница взяла её за руку, – если тебе невыносимо жить со своей квартирной хозяйкой, давай поищем тебе другое жилье. А пока можешь переехать ко мне.

Сашка только покачала головой:

– Это временные трудности.

– Ну, как знаешь, – вздохнула Лидия Федоровна, – но если с тобой что-нибудь случится, я ведь никогда не прощу себе, что пошла у тебя на поводу!

– Всё будет хорошо, – слабо улыбнулась девушка.

В половине двенадцатого она сидела на старом диване и вглядывалась в темноту. Но никто не появлялся. Зловещая тишина давила, и Сашкой овладело беспокойство. Она вдруг стала сомневаться в прошлой встрече. Когда часы показали полночь, она тихо позвала:

– Ау! Я принесла вам нитки! – и замерла, ожидая появления приведений.

Ей никто не ответил. Сашка разочарованно смотрела перед собой, сжимая в кулаке катушку. Вдруг что-то странное она почувствовала сзади, как будто её спину обдувает вентилятор. Она резко обернулась и вскрикнула от неожиданности. Призрак стоял рядом и смотрел прямо на неё.

– Отто? – проговорила она, усилием воли сдерживая дрожь в голосе и стараясь смотреть мимо него.

– Да, это я.

Александра боковым зрением осмотрела помещение. На этот раз ночной гость был один.

– Ты принесла нам нитки?

– Я же обещала, – и она протянула ладонь, на которой лежала катушка.

– Спасибо, – он дотронулся своими пальцами до её руки.

Они были ледяные. Внезапно, от этого прикосновения у Сашки закружилась голова. Она почувствовала его холодное могильное дыхание и, подняв взгляд к его лицу, увидела, что в глазах молодого человека пронзительно белые зрачки. Её опять сковал страх.

– Ты добрая девушка, – проговорил он, – и так похожа на Шуру.

Имя «Шура» он произнес по-русски, но с сильным акцентом.

– А кто такая Шура? – начиная приходить в себя, спросила Александра.

– Наша медсестра и благодетельница, – с улыбкой сообщил он.

– А где она сейчас?

– На небесах, – ответил он, как само собой разумеющееся.

– Значит, она умерла? – опустив глаза, спросила Сашка, боясь опять увидеть его белые зрачки.

– Она перешла в другой мир, – он качнул головой, – а мы застряли в этом бесконечном белом коридоре. И это невыносимо.

Он произнес эти слова с такой тоской, что собеседница почувствовала искреннее сочувствие к юноше.

– Расскажи что-нибудь о себе, – попросила девушка, у которой любопытство взяло верх над страхом.

– А что именно?

– Откуда ты?

– Я родился в очень древнем и красивом городе Германии, там, где сливаются две могучие реки – папаша Рейн и фройлен Мозель.

– А как он называется?

– Кобленц, – призрак улыбнулся такой странной улыбкой, что Саша совсем успокоилась и приготовилась слушать своего необычного собеседника.

– Никогда не слышала об этом городе, – виновато призналась она, – а какой он, твой город?

– Он – сказочный! Там много замков и башен, там узкие улочки и дома с балконами. А воздух? Знаешь, какой там воздух?

Девушка покачала головой.

– Он наполнен ароматом трав и цветов, он чист и прозрачен. Как бы я хотел вдохнуть его хотя бы еще раз, – мечтательно добавил он, – услышать щебетанье птиц, пройтись по тенистым паркам, спуститься по бульжной мостовой к Рейну и опустить свои руки в его спокойные воды.

Саша слушала парня и вспоминала свой, некогда благоухающий город, где ей когда-то тоже жилось радостно и беззаботно со своей семьей. Она вдруг подумала, что у этого несчастного призрака и у нее одна печаль: невозможность вернуться в место, где когда-то был счастлив. Только у Отто потому, что он умер сам, а у неё потому, что её город стерт с лица земли...

– Мне было четырнадцать лет, когда началась война Германии с Польшей. Помню, как я сильно переживал, что не успею повоювать, – Отто усмехнулся и замолчал.

– Успел? – Сашка грустно посмотрела на парня.

– Знаешь, когда меня призвали в армию, я испытывал необычайную гордость будущего воина, эдакого рыцаря без страха и упрека. И это понятно. Когда изо дня в день из репродуктора ты слышишь призывные речи о величии своего народа, когда пол-Европы склонило голову перед немецким флагом, то участвовать в этой бойне становится мечтой каждого мальчишки. И вот я – солдат Вермахта! На строевой подготовке я научился браво козырять, стоять навы-

тяжку и звонко щелкать каблуками! С такими же новобранцами, как и я, с упоением горланил строевые песни в казарме и на плацу. Мы важно ходили по улицам, ловя восхищенные взгляды девушек. Но вот пролетели несколько недель ускоренного военного обучения. Нас стали распределять. Мне не повезло: я попал на Восточный фронт.

Отто тяжело вздохнул. В этот момент ей по-настоящему стало жалко этого бывшего солдата, который шел с оружием на её страну.

– А где ты воевал?

– Не успел я повоевать, – призрак усмехнулся, – поздней осенью сорок второго года нас, безусых молодых ребят, отправили в Советский Союз. По дороге наш эшелон несколько раз бомбили, – на минуту он замолчал, – и вот мы попали в Сталинград. Там был сущий ад. Бои шли, не прекращаясь. Русские отчаянно боролись за каждый клочок земли. А тут еще холода, то снег валил, то колючим ветром обдувало со всех сторон. Наша одежда буквально примерзала к коже. Некоторые немецкие солдаты, рискуя жизнью под ливнем пуль, подползали к убитым русским и снимали с них валенки, потому что в сапогах, которые нам выдавали, ноги немели от мороза. Я видел отмороженные конечности у своих соотечественников. Это было ужасно. Нас все время обстреливали. Первое русское слово, которое я узнал, было «Катюша».

– Ты имеешь в виду оружие?

– Да, это страшное оружие. Русские – храбрые и отважные солдаты, они метко стреляли в своего противника. Ефрейтор нам сказал, чтобы не высывались из укрепления. Я видел, как погибают один за другим наши ребята, с которыми я прибыл на Волгу. Среди бойцов началась паника. Многие поговаривали, что живыми мы не выберемся из этого котла. Были и такие, которые перебежали на сторону врага.

– Вы их презирали?

– Было не до них. Им просто хотелось остаться в живых. Бывалые солдаты рассказывали, что в начале войны было отличное снабжение и обмундирование. В некоторых населенных пунктах немецкие войска жители встречали, как говорили они: «С хлебом-солью», – рассказчик тяжело вздохнул, – но тогда, на Волге, мы сильно голодали. Отчаявшиеся люди, изможденные холодом и голодом, ловили даже кошек и собак.

– Зачем? – с ужасом спросила Саша, догадываясь, что ответит собеседник.

– Их ели. Я видел в блиндажах трупы наших солдат. Они либо замерзли, либо умерли от голода. Было по-настоящему страшно.

– Но мы вас не звали. Это вы пришли на нашу землю с оружием. Это вы бомбили наши города, жестоко убивали наших женщин и детей, сгоняли мирных людей в концлагеря и на работу в Германию, уничтожали города и целые села, – тихо, но твердо произнесла девушка.

– Я это не видел, но мои соотечественники рассказывали об этих ужасах. Я думал, как бы все хорошо жили, если бы не было этой проклятой войны!

– Это точно, – согласилась она.

– Столько смерти, ужаса, страданий и боли. И ради чего? – из груди Отто вырвался стон.

– А как тебя ранило?

– Недалеко разорвался снаряд. Все, кто были рядом в нашем блиндаже, погибли. А я получил осколок в живот и потерял сознание.

– Поэтому попал в плен?

– Да. Но русские – великодушный народ. Они, отступавшие от Балтики до Волги, потерявшие в боях своих товарищей, нас покормили, а раненых отправили в госпиталь.

Сашка молча кивнула.

– На войне я понял одно: нет лучшей расы и нет худшей, – призрак резко мотнул головой, – люди встречаются везде, независимо от национальности, цвета кожи и вероисповедания. Но есть звери и среди людей, – он тяжело вздохнул, – и я их видел.

Он замолчал, и в комнате воцарилась тишина. Александра сидела не шелохнувшись, стараясь не мешать рассказчику. Он перевел взгляд в сторону окна. Она тоже посмотрела туда, заметив, что на небе стали пропадать звезды. «Еще немного, и взойдет солнце», – подумала она. Наверное, призрак немецкого солдата тоже подумал об этом, поэтому он, будто прощаясь, назидательно сказал девушке:

– Ты не видела войну. Это – счастье.

– Я её видела, – прошептала она.

– Поэтому ты принесла нам нитки, – сделал вывод парень и добавил, – ты умеешь сопереживать.

Сашка хотела у него спросить, что же было дальше, но он исчез. Будто растаял, как пред-рассветная дымка.

Александра выходила с однокурсницами из дверей учебного корпуса института, когда увидела Дарью Семеновну. Квартирная хозяйка, заметив её, двинулась навстречу и вместо приветствия, произнесла:

– У кого ты сегодня ночевала? – и бросила строгий взгляд на студенток, остановившихся вместе с Сашей.

Девушки удивленно посмотрели на подругу и захихикали, а одна из них, Вика Фирсова, с усмешкой прокомментировала:

– В тихом озере черти водятся! А мы-то думали, что ты – паинька и по ночам спишь дома!

Квартирьер-хозяйка пытливого старухи покраснела. Она с ненавистью смерила взглядом хозяйку и стремительно побежала к автобусной остановке. Ей было обидно и за то, что та поставила её в глупое положение, приехав к институту и выясняя отношения прямо на улице. И за то, что Вика, который год списывающая у неё контрольные работы, так грубо высказалась в её адрес.

Когда Дарья Семеновна вернулась домой, она обнаружила в коридоре полнейший беспорядок. Но не это взволновало её. У порога стояла набитая дорожная сумка и два пакета с вещами. Сашка торопливо натягивала на ноги ботики и не проронила ни слова.

– Александра, ты прости меня, – глаза пожилой дамы наполнились слезами, – я очень беспокоюсь за тебя.

Девушка продолжала молчать. Она взяла свою сумку и уверенно перекинула её через плечо.

– Милая моя, не уходи, – дрожащим голосом произнесла Дарья Семеновна, – я догадалась, что ты влюбилась. Ну, с кем не бывает в твоём возрасте. А, если он подлецом оказался, так мы его выведем на чистую воду, – уже бойко добавила она, преграждая путь постоялице.

– Ни в кого я не влюбилась, – устало проговорила Саша, стараясь не смотреть на хозяйку.

Ей было жаль старую учительницу, к которой она привязалась. Но жить под её контролем она больше не хотела.

– А где же ты ночевала две ночи? – всплеснула руками та.

– Вам-то, какое дело? – Саша попыталась протянуть руку и открыть входную дверь.

– У меня ответственность перед Шурочкой, – у старушки задрожал подбородок, – я ей обещала. Перед смертью она меня попросила помочь её единственной внучке, если она попадет в затруднительное положение.

– Перед какой Шурочкой? – девушка остановилась и заинтересованно глянула на квартиру хозяйку.

– Твоей бабушкой, – Дарья Семеновна даже руки развела в разные стороны, – разве ты не знала, что мы с ней дружили?

– Нет.

– Разве Тамара тебе не сказала, почему ты живешь у меня?

– Нет, – Саша медленно опустила сумку на пол, мысленно сопоставляя факты и события, которые привели ее в этот дом.

– Это многое объясняет, – у пожилой женщины поникли плечи, и она устало поплелась в комнату.

Она села на свою кровать и закрыла глаза.

– Вам плохо? – почувствовав что-то неладное, Сашка устремилась за старушкой и присела рядом.

– Поволновалась немного, вот давление и подскочило, – тихо прошептала та.

Александра достала из тумбочки таблетки, сбегала на кухню за стаканом воды и протянула хозяйке.

– Ну, скажи мне, пожалуйста, где ты ночевала? – запив лекарство водой, Дарья Семеновна откинулась на подушку.

– На работе я оставалась, – виновато произнесла девушка.

– В архиве? – почти крикнула хозяйка, не смотря на слабость.

– Да.

– Вот, – она покачала головой, – я даже представить не могла, что ты такое удумаешь! Такой опасности подвергала себя!

– Вы тоже верите в приведений?

– Как же мне не верить, если я сама, – пожилая дама даже приподнялась, – своими собственными глазами его видела!

– Кого, где? – недоверчиво спросила Сашка.

– На кладбище.

– Вы что, туда ночью ходили? – спросила девушка, с трудом сдерживая усмешку.

– Днем, – ответила квартирная хозяйка, не обращая внимания на скептическое замечание Александры.

– Расскажите, – попросила она.

Дарья Семеновна сдвинула брови, вспоминая ту встречу.

– Я хотела заскочить к твоей тете Тамаре, чтобы помянуть мою подругу Шурочку. Уже был сороковой день после её смерти. Было очень пасмурно. С утра шел дождь, а у меня, как назло, уроки в первую смену.

– Почему вы называете бабушку «Шурочкой»?

– Её так с детства звали, – пожалала плечами старая учительница, – а мы с ней дружили с первого класса. Но знаешь, – она повернулась к собеседнице, – когда ты родилась и тебя назвали в честь неё Александрой, она строго приказала своим дочерям: «Только внучку „Шурочкой“ не зовите!» Думаю, ей не нравилось это сокращенное имя.

– Я вас перебила, – смущенно проговорила Саша, – так что было на сороковой день?

– По времени я не успевала на поминки, поэтому после занятий в школе я купила в магазине любимых конфет Шурочки и пошла сразу на кладбище. Еле пробралась к её могиле по размытым от дождя тропинкам. И вижу, среди крестов стоит странный парень, склонив голову над, еще свежим, земляным бугром.

– Что же в нем было странного?

– Он был в белом солдатском нижнем белье. Я сразу вспомнила рассказы своей подруги о раненых немцах, за которыми она ухаживала во время войны. Она часто вспоминала их, особенно Отто.

– Отто? – эхом повторила Сашка.

– Да, с этим парнем она подружилась, когда работала медсестрой в госпитале. Он много рассказывал ей о себе. И умер у неё на руках последним из всех...

– Моя бабушка работала медсестрой? – переспросила собеседница. – Как же так? Ей было тогда лет шестнадцать.

– Твоя бабушка была такая боевая, – по-доброму усмехнулась Дарья Семеновна, – она просилась на фронт, но её послали на курсы медсестер. После окончания направили в больницу. А вот, когда «наших» перевели в областной госпиталь, а в районный медсамбат стали привозить немецких солдат, многие сотрудники ушли. А Шурочка осталась. Помню, прибежала ко мне и, запыхавшись, говорит: «Они же люди, и им нужна помощь». Из дома таскала им скудную еду, рубила дрова, чтобы протопить помещение, а потом с доктором их хоронили.

– Мне об этом никто не рассказывал, – в раздумье проговорила Саша, – вот почему Отто сказал, что я похожа на Шуру.

– Ах, – старушка даже руками всплеснула, – так ты его видела?

– Видела, – она опустила голову, поняв, что нечаянно проболталась хозяйке.

– Он тебя не обидел? – участливо поинтересовалась она.

– Нет, я с ним просто разговаривала.

– Какая ты смелая и отчаянная! – восхищенно произнесла Дарья Семеновна. – Вся в свою бабушку!

– А вы на кладбище с ним говорили?

– Что ты! – она махнула рукой. – Как только я подошла ближе к могиле, он испарился, как облако. Я потом даже сомневаться стала: видела ли я его, или мне только показалось.

– Мне надо с ним еще раз встретиться, – твердо сказала девушка.

– Где? В архиве?

– Да, – она печально улыбнулась, – где же ещё?

– Хочешь, я пойду с тобой? – предложила хозяйка.

– Нет, не надо, – Сашка благодарно посмотрела на пожилую даму и вдруг ею овладела бесконечная нежность к этой ворчливой, но, в сущности, доброй старушке. Она почувствовала, что рядом есть человек, которому можно рассказать всё, что ее волнует. Она обняла свою квартирную хозяйку. Не ожидая такого порыва от своей подопечной, Дарья Семеновна растерялась, потом прижала девушку к себе и заплакала. У Александры тоже из глаз полились слезы.

С этого дня они стали друг для друга самыми родными людьми.

Собираясь утром в институт, Сашка неожиданно забеспокоилась.

– Дарья Семеновна, как мне остаться на ночь на работе? Если я опять об этом попрошу Лидию Федоровну, у сотрудниц могут возникнуть подозрения, – проговорила она, складывая конспекты в сумку.

– Да, – кивнула старушка, разливая чай, – ты права!

– Надо найти какой-нибудь серьезный предлог!

– А, может быть, остаться тайком и никому не говорить?

– Нет, так не получится, – вздохнула девушка, – директор уходит последним и закрывает на замок дверь.

– Неужели в архиве нет укромного местечка, чтобы спрятаться? – квартирная хозяйка сосредоточенно посмотрела на подопечную. – За занавеской или стеллажом. Ты говорила, что в подвале – хранилище.

– Вы считаете, что нужно сделать вид, что ушла, потом незаметно вернуться и спрятаться?

– Это единственный выход, – пожилая дама развела руки в разные стороны, – или сказать им правду.

– Если скажу правду, а они вдруг подумают, что я свихнулась и уволят меня? Или просто не разрешат остаться?

– Мне, как советскому учителю, стыдно, – она хитро подмигнула, – но в данном случае, я – за обман!

Вечером Сашка, воодушевленная поддержкой бабушкиной подруги, попросилась со всеми сотрудницами и сделала вид, что уходит домой, а сама незаметно проскользнула назад и спряталась в туалете. Если её обнаружат, скажет, что пришлось вернуться. Приспичило некстати.

Но её никто не заметил, потому что все спешили домой после трудового дня. Осенью темнеет быстро, поэтому женщины торопливо прощались с директором, покидая рабочие места. Вот и Владимир Иванович, на ходу застегивая пальто, вставил ключ в замочную скважину, повернул его два раза и проверил на всякий случай, легонько толкнув дверь. Все стихло. Сашка вышла из своего убежища и прошла между стеллажей. Её вдруг осенила мысль: а не поискать ли ей документы о раненых немецких солдатах? За полгода работы в архиве она стала легко ориентироваться в хранилище. Тем более, что до полуночи было ещё далеко.

На пожелтевших страницах были написаны двадцать восемь немецких фамилий. Напротив каждой стояли даты: рождения и смерти.

– Отто Цимах, – проговорила Александра, отыскав глазами знакомое имя, – ему было восемнадцать лет, когда он умер.

Остальные немецкие солдаты были тоже молоды: им было от семнадцати до двадцати трех лет. Она с сожалением подумала о том, что была десятилетней девочкой, когда не стала бабушки. Как бы ей хотелось расспросить её о том времени! Саша переписала данные о немецких раненых и, положив листок в папку, вернула ее на прежнее место.

В полночь она сидела на диване и с нетерпением ждала приведение. Перед его появлением опять, как в первый раз, раздались жуткие стоны и голоса, эхом разносящиеся по всему архиву. Но он появился один.

– Алекс, я так устал быть тенью, – грустно проговорил он.

– Как я могу тебе помочь? – взволнованно произнесла девушка.

– Моя душа должна преодолеть, наконец, этот белый коридор и найти вечный покой.

– Что для этого нужно сделать?

– Видишь ли, я по своему вероисповеданию – католик. Необходимо, чтобы меня отпел пастор. А еще, – он на мгновение задумался, – надо найти мою могилу и привезти на неё землю с моей родины.

– Это сложно, – вздохнула Александра.

– Потому что война? – у Отто был скорбный вид.

– Нет, война давно закончилась.

– Но ты говорила, что видела войну, – слабо возразил призрак.

– Я видела, как бомбили мой город, – она вдруг вспомнила боевые действия и качнула головой, – но это было на Кавказе.

– А кто это делал? – озадаченно спросил бывший солдат Вермахта.

– Свои.

– В Советском Союзе идет гражданская война? – удивился он.

– Советского Союза уже нет.

– Его захватили?

– Нет, его «развалили».

– Такую мощную страну развалили? Как же это произошло?

– Это политика. Республики вышли из состава некогда великой державы. Я не хочу об этом говорить, слишком тяжелые последствия...

– Как же называется страна, в которой ты живешь?

– Россия.

– Значит, сейчас в России такая обстановка, что ты не можешь покинуть пределы своей страны? Ты не можешь поехать в Германию и посетить мой родной Кобленц?

– Сложность в другом, – Сашке не хотелось говорить о том, что у неё просто нет столько денег, чтобы отправиться в путешествие по Европе, – но я попробую. Мне нужен адрес твоего дома.

– Пиши, – он улыбнулся и стал диктовать.

– А у тебя остались там родные? Прошло столько лет, – напомнила она ему.

– А какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот девяносто девятый.

– Ого, – он присвистнул, и девушке показалось на мгновение, что ее собеседник совсем не призрак, а обыкновенный восемнадцатилетний парень, – значит, мои родители, скорее всего, уже на небесах. Но, – он задумался, – у меня была девушка. Её звали Эльза. Мы с ней дружили с самого детства.

– Эльза жила тоже в Кобленце?

– Да, она жила в доме напротив. Мы любили друг друга, и решили пожениться, когда я вернусь с фронта.

– Значит, она была твоей невестой?

– Да. Она провожала меня на войну и обещала ждать. Последнюю ночь перед мобилизацией мы провели вместе, – призрак вздохнул, а Саша подумала, что, скорее всего про свою любимую Эльзу он ни с кем не говорил. Она молча смотрела на юношу, внимая его откровениям.

– Она была у меня первой девушкой и последней...

Сашка уже не боялась ни странных стонов приведений, ни неподвижных белых зрачков, ни ледяного дыхания своего нового знакомого. Она испытывала только сочувствие к несчастному немцу, так глупо и бесполезно умершему в чужом городе...

Первое, что нетерпеливо спросила Дарья Семеновна у своей подопечной, открыв входную дверь:

– Ты говорила с ним?

– Всё получилось! – радостно сообщила та.

– Ну, рассказывай, – старушка уселась напротив, когда Александра плюхнулась на свой диван.

Девушка подробно изложила все, что произошло ночью.

– В понедельник иди в паспортный стол и заказывай документы на выезд, – посоветовала старая учительница.

– Пока не получится, – смущенно произнесла Александра.

– Боишься пропустить занятия в институте?

– Не в этом дело. Сейчас сентябрь, и до зимней сессии я нагоню своих сокурсников.

– Так в чем же?

– Сначала надо накопить на поездку.

– Ах, вот оно что, – пожилая дама покачала головой.

Она повернулась к своей тумбочке и стала шарить в ящике.

– Деньги – это не проблема, – она хитро подмигнула и достала резную деревянную коробочку с украшениями, – сегодня же отнесу в ломбард!

– Нет-нет, Дарья Семеновна! – Сашка замахала руками. – Да вы что? Я у вас деньги не возьму.

– Почему это?

– Я не смогу выкупить в ближайшие месяцы, а тут, – она посмотрела в открытую шкапу, – такое богатство!

– Да и не надо выкупать, – хозяйка пожалала плечами, – ну, скажи, зачем мне эти побрякушки? В магазин в них ходить или в собес? А, может, в поликлинике в очереди сидеть? Я,

моя милая, все равно собиралась их тебе подарить, – она протянула коробочку, – а сейчас это делаю! Бери, это твое. И распорядись по своему усмотрению!

– Дарья Семеновна, – голос девушки дрогнул, – какая вы необыкновенная женщина!

– Нет, я – самая обыкновенная, да еще и эгоистка, – она печально усмехнулась, – я это делаю для себя!

– Для себя? – у Сашки от удивления поднялась правая бровь.

– Ну, да. Почему-то считается, что люди любят получать подарки. Но, знаешь, что их дарить куда приятнее. Особенно своим детям. А ты у меня одна: и за дочку, и за внучку.

От этих простых слов у Александры навернулись слезы. Она молча взяла шкатулку с драгоценностями в руки и вздохнула. Квартирная хозяйка наблюдала за своей подопечной, будто её увидела впервые.

– Человек раскрывается в сложных ситуациях, – она провела своей шершавой ладонью по волосам девушки, – благодаря призракам немецких раненых, я узнала тебя совсем с другой стороны. И вот что я тебе скажу, милая моя, за свою жизнь я встречала много разных людей. Я смотрела на современную молодежь и с отчаянием думала, какая она бездуховная, легкомысленная, а порой и жестокая. А ты мне преподала урок доброты и чуткости.

Впервые за несколько лет Сашка почувствовала в монологе своей квартирной хозяйки не монотонные нравоучительные нотки, а рассуждения человека, прожившего большую жизнь.

– Знаешь, Александра, – между тем продолжила старая учительница, – я представляю любого человека, состоящего из разных частей или, – она на минуту задумалась, – зон. Есть зона добра, а есть зла, есть зона верности и любви, а есть страха и злости. Много в нас всего намешено. Но не у всех есть зона чуткости или сопереживания, а у тебя она есть.

– Какая вы мудрая, Дарья Семеновна, – тихо проговорила девушка, – простите меня, что я вас считала занудой и не слушала раньше ваших советов. Наверное, только с возрастом многое начинаешь понимать.

– Нет, – старушка помахала головой, – мудрость не зависит от календарного возраста. Ведь душа у человека – вечная. Помнишь строчки Лермонтова?

«Порой обманчива бывает седина:

Так мхом покрытая, бутылка вековая

Хранит струю кипучего вина».

Как сказано, а? – она улыбнулась.

– Хотите сказать, что вы в душе молоды?

– Старость приходит, когда ничего не надо. Нет целей, нет желания что-то созидать или творить. Мне кажется, я уже медленно умираю, но ты, мой друг, возродила меня не только к жизни, но и вернула мне молодость души. Ах, я бы тоже хотела поехать с тобой в Европу!

– Давайте и поедem вместе, – Сашка обняла свою наставницу.

– Нет, – старушка шутливо погрозила пальцем, – не соблазняй меня. У меня и здесь появились заботы!

И они начали обсуждать детали поездки, намечая дела, которые следует сделать в первую очередь.

В агентстве «Вся Европа» Александра купила автобусный тур в Германию. Конечный пункт её путешествия был город Кобленц. Октябрьским утром она прибыла на Белорусский вокзал в Москве. Моросил мелкий дождь, когда она подошла к своему вагону. Рядом с важной проводницей в униформе стояла шумная компания людей. Упитанная дама держала табличку, на которой печатными буквами было написано: «Вся Европа», а внизу – Москва- Берлин- Кобленц». Сашка подошла и, поздоровавшись, спросила:

– Мне к вам? – и протянула свой билет и паспорт.

– Да, – дама пробежала взглядом по документам и громко сказала, – в нашем полку прибыло!

Путешественники на секунду замолчали и с любопытством посмотрели на «новенькую», потом, как ни в чем не бывало, продолжили наперебой говорить, будто забыли о Сашкином существовании. Дама с табличкой, улыбнувшись, представилась:

– Ангелина. На время всей поездки я буду у вас экскурсоводом и руководителем группы в одном лице.

Когда объявили, что поезд Москва-Брест отправляется через пять минут, группа новоиспеченных туристов засуетилась, поднимаясь внутрь вагона по металлическим ступенькам.

В Бресте пассажиры переночевали в гостинице, а утром расселись по местам комфортабельного автобуса. Сашка с интересом наблюдала, как, двигаясь в хвосте длинной очереди разнокалиберного транспорта, они подъехали к границе с Польшей. Представительница туристического агентства «Вся Европа» Ангелина объявила в микрофон:

– Товарищи, выходим из автобуса для прохождения таможни!

Без лишних расспросов туристы покинули свои места и направилась «гуськом» вдоль стоек. Сотрудники польской таможни внимательно изучали загранпаспорта российских граждан, у некоторых заглядывали в сумки. Рядом стояли породистые собаки, которых держали на поводках. Осмотр прошел достаточно быстро. И вот уже за окном замелькали зеленые поля, города и деревни Польши. Все было ново и необычно для Александры. Ей до сих пор не верилось, что она едет по Европе.

По немецкому автобану быстро домчались до Берлина. После обзорной экскурсии по городу Ангелина объявила, что во второй половине дня все желающие могут пойти с ней в зоопарк. Сашка решила одна прогуляться по главной улице – Унтер-ден-Линден и забраться на крышу Рейхстага. Это была её заветная мечта детства. Потом она медленно бродила по вечерним улицам немецкой столицы, с удовольствием отмечая доброжелательность её жителей. Она думала о своем призрачном знакомом, волнуясь перед предстоящей встречей с его родным городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.